

Н. Н. Трубникова<http://orcid.org/0000-0001-6784-1793>✉ trubnikovann@mail.ru

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)

Традиция почитания «Лотосовой сутры» в Японии XI в. по «Хоккэ гэнки»: ЧУДЕСА И ЧУДОТВОРЦЫ

Аннотация. Традиция «Лотосовой сутры» в японской буддийской мысли включает в себя не только ученые труды монахов, но и сочинения менее строгих жанров, в том числе сборник поучительных рассказов «Дайнихонкоку Хоккэ-кё: гэнки» («Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии», кратко — «Хоккэ гэнки», середина XI в.). В статье обсуждаются следующие вопросы: что именно в этом памятнике понимается под чудом, какими чертами наделяются люди-чудотворцы и их чудесные помощники, как соотносятся собственные усилия человека и действие «иной силы» (будь то сила самой сутры или чудесные свойства ее персонажей). По мнению автора, в «Хоккэ гэнки» главный признак чуда — это совпадение между конкретными событиями в японской общине и предсказаниями сутры. Чудеса не зависят от статуса героя в общине и даже от его праведности. Чуда в обыденном понимании в рассказе может не быть вовсе; важно для повествования лишь то, что люди и другие живые существа здесь и сейчас исполняют сказанное в сутре. Крайний случай преданности сутре — самосожжение ради нее — остается в традиции «Лотосовой сутры», почти не обсуждается за ее пределами; извод этой традиции, отраженный в «Хоккэ гэнки», едва ли предвосхищает исключительное следование сутре в традиции Хоккэ XIII в.

Ключевые слова: «Лотосовая сутра», поучительные рассказы *сэцува*, записки о чудесах *рэйгэнки*, «Хоккэ гэнки», самопожертвование, традиция Хоккэ

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Трубникова Н. Н. Традиция почитания «Лотосовой сутры» в Японии XI в. по «Хоккэ гэнки»: чудеса и чудотворцы // Шаги/Steps. Т. 11. № 3. 2025. С. 342–361. EDN: YPVXPZ.

Поступило 3 сентября 2024 г.; принято 30 июня 2025 г.

N. N. Trubnikova

<http://orcid.org/0000-0001-6784-1793>

✉ trubnikovann@mail.ru

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

THE TRADITION OF VENERATING THE *LOTUS SŪTRA* IN 11TH CENTURY JAPAN ACCORDING TO *HOKKE GENKI*: MIRACLES AND MIRACLE WORKERS

Abstract. The Lotus Sūtra tradition in Japanese Buddhist thought includes not only scholarly works of monks, but also works in less strict genres, including the collection of didactic tales *Daini-honkoku Hokke-kyō genki* (*Hokke genki*, mid-11th century). The article discusses the following questions: what exactly is understood by a miracle in this text, what features are attributed to miracle workers and their miraculous assistants, how do a person's own efforts and the action of "other-power", *tariki* (be it the power of the sutra itself or the miraculous properties of its characters) relate to each other. According to the author of the article, in the *Hokke genki* the main sign of a miracle is the coincidence between specific events in the Japanese community and the predictions of the *sūtra*. Miracles do not depend on the status of the character in the community or even on his righteousness. There may be no miracle in the story in the ordinary sense of the word; all that is important for the narrative is that people and other living beings here and now fulfill what the sutra says. The extreme case of devotion to the *sūtra* — self-immolation for its sake — remains in the Lotus Sūtra tradition, and is hardly discussed outside it; the version of this tradition reflected in the *Hokke genki* hardly anticipates the exclusive adherence to the sutra in the Hokke tradition of the 13th century.

Keywords: *Lotus Sūtra*, *setsuwa* didactic tales, *reigenki* records about miracles, *Hokke genki*, self-sacrifice, Hokke tradition

Acknowledgements. The article is a part of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Trubnikova, N. N. (2025). The tradition of venerating the *Lotus Sūtra* in 11th century Japan according to *Hokke genki*: Miracles and miracle workers. *Shagi / Steps*, 11(3), 342–361. EDN: YPVXPZ. (In Russian).

Received September 3, 2024; accepted June 30, 2025

Задача предлагаемой статьи — рассмотреть один из памятников японской буддийской словесности с точки зрения отражения в нем одной из тех традиций, к которым он принадлежит. Как и большинство других текстов, любое из сочинений японских монахов входит сразу в несколько традиций: региональных, школьных, жанровых и пр. Мы рассмотрим традицию, которая восходит к каноническому тексту, а именно к «Лотосовой сутре», она же «Сутра о Цветке Закона», она же «Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы»¹ [Игнатович 1998]. Эта сутра — одна из самых известных во всех странах мира, где распространен буддизм. О ее значимости для средневековой Японии хорошо сказано в «Записках у изголовья»² Сэй Сёнагон (рубеж X–XI вв.). Среди знаменитых перечней, приведенных в этой книге, — перечней цветов, мостов, книг, вещей приятных и неприятных и т. д. — список сутр открывается словами: «Конечно, “Лотосовая сутра”» (法華きやうはさらなり, *Хоккэкё: -ва сара нари*)³.

Интересующий нас текст, «Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии», или «Записки о чудесах Цветка Закона»⁴ [Иноуэ, Оосонэ 1995: 43–219] с сутрой связан уже заглавием. Этот сборник в трех свитках состоит из предисловия и 129 небольших рассказов. В конце каждого свитка помещено стихотворение, в некоторые рассказы включены записи обетов (жанр 願文, *гаммон*), а также стихи на китайском или японском языках. Сборник составил в 1040–1044 гг. монах Тингэн (鎮源; даты жизни неизвестны). Он принадлежал к школе Тэндай, учение которой основано на «Лотосовой сутре». Об истории исследования «Хоккэ гэнки» см. предисловие к сетевой публикации нашего перевода памятника: [Трубникова 2024]. Попробуем выяснить, как сборник Тингэна соотносится с традицией «Лотосовой сутры» и что нового дает для ее понимания.

Вообще к традиции почитания буддийского канонического текста в Японии обычно относятся его копирование (по собственному почину переписчика и/или по чьему-либо заказу, в том числе по велению правителя); изучение текста, составление толкований к нему, испытания монахов на знание текста, диспуты, где обсуждаются его трудные места; обряды, при которых текст читается и разъясняется для широкого круга слушателей, и/или обряды, которые предписаны в самом тексте и считаются источником «заслуг» (功德, *кудоку*), независимо от того, насколько глубоко участники усвоили его содержание; появление отдельных персонажей или целых сцен из текста в памятниках изобразительного искусства; строительство храмов и иных сооружений,

¹ 妙法蓮華經, «Мё:хо: рэнгэ кё:», санскр. «Саддхарма-пундарика-сутра» (ТСД 9, № 262). Здесь и далее двоеточие в транскрипциях японских слов обозначает долготу гласного.

² 枕草子, «Макура-но со:си».

³ В переводе Веры Марковой — «Лотос благого закона — тут не надо лишних слов» [Сэй Сёнагон 1999: 384].

⁴ 大日本国法華經験記, «Дайнихонкоку Хоккэкё: гэнки»; 法華験記, «Хоккэ гэнки».

воспроизводящих место действия текста. В японской буддийской словесности от VIII в. до наших дней легко найти упоминания, а порой и развернутые описания подобного копирования «Лотосовой сутры», ее изучения, толкования и т. д. (см.: [Tanabe, Tanabe 1989; Teiser, Stone 2009]). Цитаты из сутры и отсылки к ней встречаются и в светских сочинениях разных жанров. Уже к XI в. традиция «Лотосовой сутры» достаточно развита, а если учитывать китайские сочинения, доступные японским монахам и входящие в изучаемый ими канон, то весьма развита. Тингэн в предисловии к сборнику указывает, что ему известна китайская книга преданий о чудесах «Лотосовой сутры». Эта книга до наших дней не дошла, но сохранились похожие китайские сборники. Задачей японского книжника стало составить такой же свод японских преданий.

Текст «Хоккэ гэнки» написан на китайском языке, принадлежит к храмовой словесности, однако, как и другие своды «поучительных рассказов» (жанр 說話, *сэцува*), он предназначен не только для монахов, но и для благочестивых мирян. Герои рассказов — в основном монахи, но есть истории о монахинях, послушниках, мирянах, мирянках, животных и божествах. О том, как в сборнике показаны история знакомства японцев с сутрой и способы работы с нею, см.: [Трубникова 2024]. Но коль скоро перед нами рассказы о «чудесах» (驗, *гэн*), видимо, для книги Тингэна важнее не то, как сутру читали и почитали, а то, как от этого менялась жизнь ее приверженцев, как они, говоря словами самой сутры, «обрели то, чего никогда не имели» (得未曾有, *току мисо:у*)⁵.

Рассмотрим обычный для «Хоккэ гэнки» рассказ. Его герой, как и примерно половина подвижников, о которых говорится в сборнике, известен только по этой истории, годы его жизни не удастся восстановить даже приблизительно. Рассказы о более знаменитых монахах строятся по похожей схеме, только эпизодов с чудесами там может быть несколько и, как правило, они соотнесены с разными местами, где побывал герой. Западные холмы в рассказе, приводимом ниже, — окраина столицы, города Хэйан (Киото).

1–38⁶. Учитель Закона Сэнку: из Ивакуры

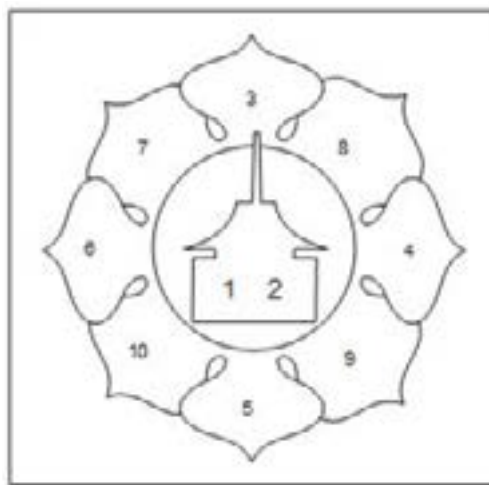
Шрамана Сэнку: — монах, живший в храме Ивакура на Западных холмах. Читал вслух «Сутру о Цветке Закона» днем и ночью столько раз, сколько мог, полностью изучил книги Закона, верное учение. Помыслы о Пути у него были глубоки, он ко всем был милосерден. Надеялся на край Высшей Радости, кланялся будде Амитабхе и памятовал о нем. Рядом со своей кельей построил отдельную хижину под соломенной крышей, повесил там восьмеричную мандалу Цветка Закона и возжигал перед нею восемь видов благовоний. Люди видели во сне: если кто захочет

⁵ Здесь и далее цитаты из сутры даны в переводе А. Н. Игнатовича по изданию [Игнатович 1998].

⁶ Здесь и далее рассказы «Хоккэ гэнки» обозначены номерами: первая цифра — номер свитка, вторая — номер рассказа.

увидеть Фугэна, Всеобъемлющую Мудрость, пусть приблизится к отшельнику Сэнку: что живет в храме Ивакура! Из-за этой вести, поданной в сновидении, люди стали искать отшельника, чтобы завязать с ним связь, и было их много. Благоухание «Цветка Закона» само собою подействовало, и Сэнку: с правильными помыслами навсегда ушел из этого мира.

Здесь хорошо видно соединение двух традиций: почитания «Лотосовой сутры» и веры в будду Амитабху (яп. Амида), владыку Чистой земли, края Высшей Радости, где после смерти возрождаются его почитатели. Такое соединение в традиции «Лотосовой сутры» обосновано в самом ее тексте, где (правда, всего единожды) говорится о возрождении в краю Высшей Радости (ТСД 9, № 262, 54с, в «Хоккэ гэнки» это место цитируется в рассказе 2–41). Главное отличие монаха Сэнку: от других героев «Хоккэ гэнки» состоит в том, что он в своем подвижничестве задействует мандалу — изображение главных действующих лиц сутры (см. ил. 1). Бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость (Самантабhadра, Фугэн) почитается как защитник всех почитателей «Лотосовой сутры» и помощник в ее изучении.

Ил. 1. В середине цветка лотоса помещается пагода, а в ней двое будд, Шакьямуни (1) и Прабхутаратна (2). На лепестках лотоса восседают бодхисаттвы: Манджушри (Мондзю, 3), Чудесный Звук (Мё:он, 4), Неисчерпаемые Мысли (Мудзинни, 5), Всеобъемлющая Мудрость (Фугэн, 6), Майтрейя (Мироку, 7), Царь Врачевания (Якуо:, 8), Всегда Продвигающийся в Совершенствовании (Дзё:сё:син, 9), Внимающий Звукам (Каннон, 10)

Fig. 1. Hokke mandara: Jeweled stūpa in the middle of the lotus flower; Shakyamuni Buddha (1), Prabhutaratna Buddha (2). On the petals of the lotus: Manjushri (Monju, 3), Wonderful Voice (Myōon, 4), Inexhaustible Thoughts (Mujinni, 5), All-encompassing Wisdom (Fugen, 6), Maitreya (Miroku, 7), King of Medicine (Yakuō, 8), Ever-Advancing in Perfection (Jōshōsin, 9), Hearing Sounds (Kannon, 10)

Чудо в рассказе состоит в том, что вещие сны (неясно, чьи) указывают на монаха как на явленного бодхисаттву. Повествователь, однако, не говорит, что Сэнку: был воплощением Фугэна (похожие случаи в «Хоккэ гэнки» есть в рассказах 1–1 и 1–2: в древности бодхисаттва Каннон в Японии воплотился в царевиче Сё:току, а Мондзю — в монахе Гё:ки). Видимо, случай Сэнку: другой. Неважно, был ли он бодхисаттвой на самом деле, а важно то, что люди, поглядев на него, могут узнать в нем Фугэна. В рассказе не говорится и о том, кого видели люди в Ивакуре — скромного отшельника или бодхисаттву верхом на слоне в золотом сиянии (как изображается Фугэн). Существенно то, что люди верили сказанному во сне и стремились «завязать связь» (結縁, *кэтиэн*), значимую по закону воздаяния, способную принести им благо в нынешней и будущей жизни. «Благоухание» здесь — условный перевод для многозначного термина 熏修, *кундзю*, он относится и к самой сутре, и к долгим трудам подвижника, который в итоге усваивает ее, пропитывается ароматом «Цветка Закона».

Обычно внутри традиции рассказов *эцува* книгу Тингэна относят к поджанру «записок о чудесах» (靈驗記, *рэйгэнки*). Ее можно причислить также к «жизнеописаниям достойных монахов» (高僧伝, *ко:со:дэн*), хотя среди героев есть и миряне, а также к «преданиям о возрождении» (往生伝, *о:дзё:дэн*), коль скоро о посмертных благах в ней говорится не меньше, чем о земных. На примере рассказа 1–38 видно, что биография приверженца сутры почти целиком сводится к описанию его подвижнических деяний и чудес, связанных с ними; в отличие от многих «преданий о возрождении» чудеса здесь не знаменуют то, что герой возродился в Чистой земле, а имеют самостоятельное значение.

Разнообразие чудес

Можно выделить десять разновидностей чудес, описываемых в «Хоккэ гэнки». Все они так или иначе предсказаны в сутре, ниже в списке я привожу только те предсказания, которые процитированы в рассказах. Чудеса перечислены в порядке частоты их упоминания; распределение рассказов по разновидностям см. в [Трубникова 2024].

1. Герою являются будды, бодхисаттвы, боги, небесные отроки, девы-*ракшасы* и другие персонажи сутры (пример предсказания: «Дети богов будут прислуживать ему» — ТСД 9, № 262, 39b). Также являются индийский царь Удаяна, индийские наставники Нагарджуна и Ашвагхоша, китайские толкователи сутры Хуэй-сы и Чжи-и, японские божества-*ками*. Герой сводит дружбу с дикими зверями или драконами; вещий сон или видение показывают герою его заслуги («Кто станет читать про себя и вслух эту сутру в местах, где царит покой и не слышно человеческих голосов, тому я покажу мое чистейшее сияющее тело», — говорит Будда; там же, 32b).

2. Другим людям являются знамения, подтверждающие заслуги героя, особенно часто — его благую посмертную участь («Когда эта жизнь закончится, он направится в мир покоя и радости, где пребывает будда Амитаб-

ха в окружении великих бодхисаттв...» — там же, 54с; «Этому человеку, когда окончится его жизнь, протянут руки тысяча будд <...> Он ничего не будет страшиться и никогда не попадет на плохие пути, но сразу же возродится у бодхисаттвы Майтрейи на небе Тушита...» — там же, 61с).

3. Герой неспособен исполнять какие-то предписания сутры, например, правильно читать ее; он узнает причину своего изъяна и в итоге избавляется от него. Причина состоит в том, что в прошлом рождении герой как-то повредил сутре или завязал с нею недостаточно крепкую связь.

4. Сутра спасает героя из огня, от убийц, клеветников, демонов и от других напастей; бодхисаттва выручает героя из беды, принимая на себя его страдания («[Его] никто не сможет ударить мечом или палкой, его невозможно будет отравить ядом» — там же, 39b; «[Он будет защищен] от змей и скорпионов, от яда и огня...» — там же, 58a).

5. Сутра спасает грешника от посмертных мук («Кто с чистым сердцем поверит в эту сутру, станет почитать ее, и в нем не родятся сомнения, тот никогда не попадет в ад и не станет голодным духом или животным...» — там же, 35a).

6. Голос героя, читающий сутру, слышится людям после его смерти.

7. Сутра возвращает умершего в мир живых; герой обмирает, на посмертном суде получает наказ вести себя правильным образом и возвращается к жизни.

8. Герой обретает небывалое долголетие или бессмертие («Если больной человек сможет услышать эту сутру, его болезни сразу же исчезнут, он не будет стареть и не умрет» — там же, 54с).

9. Герой ведет грешную жизнь, но хранит верность сутре, и его грехи иссякают, он достигает благой посмертной участи.

10. Приверженцы разных сутр состязаются в чудотворстве, поначалу подвижники «Лотосовой сутры» выглядят слабее, но потом побеждают.

Все эти разновидности чудес в других источниках приписываются другим сутрам, буддам, бодхисаттвам — и в самом деле, похожие сюжеты встречаются почти в любом собрании «записок о чудесах». Особенно трудно провести грань между разными традициями в случае историй о благом посмертном бытии: одни и те же рассказы в сборниках «преданий о возрождении» читаются как истории людей, спасенных буддой Амитабхой, а в «Хоккэ гэнки» — как истории о подвижниках, спасшихся силой «Лотосовой сутры». Показателен рассказ 3–83 о знаменитом монахе Гэнсине (942–1017), который, вероятно, был учителем Тингэна. Заслуги, приобретаемые подвижником, принципиально «обратимы» (廻向, *эко:*), т. е. он сам может решать, какие блага за них получить (а без этого невозможно была бы милосердная забота о других); сутра открывает несколько путей посмертного бытия, в том числе возрождение в Чистой земле или на небесах, и Гэнсин выбирает путь Чистой земли.

Не берясь сравнивать сборник Тингэна с китайскими сводами преданий, попробуем сопоставить его только с теми китайскими историями о «Лотосовой сутре», которые в переложении на старояпонский язык во-

шли в «Собрание стародавних повестей»⁷, куда включены также и почти все рассказы «Хоккэ гэнки» (114 из 129); см.: [Бабкова и др. 2018–2023]. Набор чудес в обоих случаях примерно одинаковый, только в китайских преданиях чаще говорится о приключениях героя на посмертном суде. Но если в китайских историях прямых цитат из сутры нет, то в японских они даны — и в «Кондзяку», и у Тингэна. Тем самым создается впечатление, что, во-первых, в жизни японской общины сутра присутствует более явно, чем на материке, а во-вторых, что чудеса — не просто исполнение людских желаний или раскрытие для людей неких знаний (такое случается и с почитателями других сутр, других будд, бодхисаттв), а еще и прямое осуществление того, что говорят в «Лотосовой сутре» Будда Шакьямуни и его собеседники.

Каков источник чудес в «Хоккэ гэнки»? Этот вопрос — спорный для любых буддийских историй о чудесах. С одной стороны, все происходящее определяется законом воздаяния, и с героем не может произойти ничего, что не имело бы причин в его прошлых деяниях. С другой — будды и прочие почитаемые существа, обладатели огромных заслуг, обращают их на пользу герою, так что спастись может и грешник — нужно лишь, чтобы он «завязал связь» с могущественным помощником.

Сразу в нескольких традициях японского буддизма с рубежа XII–XIII вв. начинает преобладать «иная сила» (他力, *тарики*). Это значит, что помощи будд придается большее значение, от человека требуется лишь вера, а попытки исправить свою участь собственными силами считаются бесполезными в наставшем веке «конца Закона» (末法, *Манно:*), когда все способности людей ухудшаются, а условия жизни неуклонно портятся. Этот подход свойствен так называемым исключительным традициям, которые предполагают не соединение различных учений при главенстве какого-то одного, а, наоборот, отделяют себя от прочих и даже отрицают их (чаще всего — указывая на их несвоевременность). Наиболее известно почитание будды Амитабхи (Амиды), принявшее вид исключительной традиции амидаизма. Исключительное почитание «Лотосовой сутры» с конца XIII в. существует как обособленная традиция Хоккэ, а позже эта традиция обозначается по имени основателя, монаха Нитирэна (1222–1282), как «школа Нитирэн». Влияние исключительных традиций весьма велико до сих пор, и памятники тех веков, когда этих традиций еще не существовало, в том числе «Хоккэ гэнки», нередко толкуются как тяготеющие к исключительности. Или же, наоборот, в рассказах о чудесах видятся примеры тех пороков, против которых выступают наставники исключительных традиций, прежде всего — обмирщения в смысле отношения к сутрам и буддам как к средству решения житейских задач.

Дело еще и в том, что с начала XX в. в японской науке закрепились точка зрения на исключительные традиции как более прогрессивные, во многих чертах «протестантские» (если проводить аналогию между буд-

⁷ 古今著聞集, «Кондзяку моногатари-сю:», 1120-е годы.

дизмом и христианским протестантизмом с его принципом *sola fide*, спасения «одной лишь верой»). Понятное стремление японоведов выделить изучаемый текст из ряда прочих, подчеркнуть его значимость нередко оборачивается преувеличением в нем роли веры и иных примет, позволяющих сказать, что он по крайней мере предвосхитил исключительные традиции. Как пишет о героях «Хоккэ гэнки» Уильям Дил, один из первых западных исследователей сборника, «их религиозность выражает помимо прочего их радикальный отклик на <...> обмирщение традиционного монашества, связанного с императорским двором. Монахи, изображенные в тексте, используют “Лотосовую сутру” для обоснования аскетической жизни в глухих горах, вдали от разлагающего влияния официально одобряемой религии» [Deal 1993: 268]. Если считать, что герои «Хоккэ гэнки» отвергают «официальный» взгляд на буддизм — как на набор разнообразных практик, приносящих благо стране и отдельным людям, и учений, обосновывающих эти практики, — то кажется логичным предположить, что вера в «иную силу» здесь будет занимать более важное место, чем личные усилия человека. Рассказ о монахе Сэнку:, рассмотренный выше, такой трактовке в общем поддается: герой изучает «Лотосовую сутру» и другие книги Закона, но не ради храмовой карьеры и, похоже, вообще не ради земных благ. Обряд перед изображением, сходным с мандалой, в исключительной традиции Хоккэ будет главным, в этом смысле монах из Ивакуры словно бы предвосхищает Нитирэна (хотя сама мандала у него и другая).

Повествователь в «Хоккэ гэнки» сам об упадке мироздания почти не говорит: речь об этом заходит только в обетах героев (в рассказах 1–3 и 2–46). Скорее, здесь еще длится «Единый век» Будды (一代, *итидай*) — то самое время, в котором разворачиваются события в «Лотосовой сутре». Многие герои строго соблюдают заповеди, заботятся о ближних, совершают благие поступки, при «конце Закона» будто бы уже невозможные. Но еще чаще, почти в каждом рассказе, упоминаются связанные с сутрой дела, нацеленные на то, чтобы она стала известна как можно большему числу живых существ. В чем смысл этих дел: улучшают они собственную карму человека, укрепляют его связь с сутрой, привлекая на помощь ее «иную силу», либо и то и другое, или это не важно?

Чудотворцы и их помощники

Попробуем подробнее разобрать те рассказы, где, как и в истории Сэнку:, действует или упоминается бодхисаттва Фугэн.

1–16. Монах Нинкё: отдан на обучение в храм по обету родителей; он изучает сутры, строго соблюдает заповеди, постится, много подвижничает в горах, где некие незримые помощники зажигают для него огонь и наполняют кувшин водой. Под старость он поселяется в пещере в горах Атаго близ столицы, довольствуется крайне скудной пищей и доживает до 127 лет.

Бывало, что к нему являлся лев и, как ручной, оставался при нем, а бывало, являлся белый слон и днем и ночью сопровождал его. Верный знак, что бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость и Манджушри защищали его!

1–20. Монах Рэмбо: много лет совмещает обряды в одном из храмов горы Хиэй и странствия в горах. «Во сне являлся ему бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость верхом на белом слоне, и Вайшравана добрыми словами восхвалял его». Вайшравана (Бисямон) почитается как один из четверых богов — хранителей стран света, соответствует северу.

1–22. Монах Сюнтё:, сострадая узникам столичной тюрьмы, совершает кражу, попадает в узилище и там читает «Лотосовую сутру».

Кто-то увидел сон: будто вся темница полна белыми слонами, и их сотни, будто явились туда все боги небесные, защитники Закона, и очутились под судом. Распорядитель темницы во сне увидел, как бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость верхом на белом царь-слоне, излучая свет, держа в руках чашу с рисом, стоит у ворот темницы. Его спрашивают, зачем он здесь, а он отвечает: «Я, Всеобъемлющая Мудрость, каждый день сюда приезжаю, чтобы поднести дары Сюнтё:!»

2–46. Монах Эйкан всю жизнь посвятил одной лишь «Лотосовой сутре». В рассказе приводится его обет, где он сетует:

Подвижники нынешнего века либо изощряются в иноверческих трудных, мучительных деяниях, а сердцем не постигают ни созерцания мыслей, ни созерцания деяний, либо отвергают роскошь одежд, но не достигают силы веры для принятия заповедей, верного одевания.

«Иноверческим» здесь, как и во многих текстах канона, называется суровое подвижничество, практикуемое как самоцель. Строгим соблюдением заповедей и постоянным чтением сутры Эйкан старается преодолеть в себе те недостатки, которые видит в собратьях.

Птицы прилетали, и звери приходили к нему, брали еду у него из рук, демоны и боги всегда были к его услугам, обещали поддерживать связь с ним. Он кланялся свету, исходящему от Шакьямуни, склоняя голову, служил Всеобъемлющей Мудрости. Такие чудеса он являл в великом множестве. Но хранил их в своем сердце, другим о них не говорил. В подвижничестве он состарился, читая сутру, достиг преклонных лет, и уже понимал, что близок его последний час. Взял в руки курильницу, обратился к образу Всеобъемлющей Мудрости, устами читал «Цветок Закона», сердцем памятовал об истинном знаке, сидел прямо и без смятения вышел из мира рождений и смертей.

«Истинный знак» (実相, *дзиссо*;) — важнейшее понятие «Лотосовой сутры», то свойство, которое есть и у будд, и у всех живых существ; оно-то и позволяет человеку стать буддой.

2—55. Монах Хо:сю:, как и Нинкё:, обитает в горах Атаго. Он «во все четыре времени года, совершая покаяние, следовал обычаю, перенятому от великих учителей; читая наизусть сутру Единой колесницы, ждал часа, когда бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость придет и защитит его». Монах знает заранее срок своей кончины, а после смерти является кому-то из близких во сне и сообщает о своей благой посмертной участи.

2—58. Монах Рэнсон выучил наизусть двадцать семь глав сутры, но никак не мог заучить последнюю, двадцать восьмую — «Воодушевление бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость». Все лето он с великим «стыдом» (慚恥, *сандзи*) подвижничает и взывает к Фугэну:

О бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость, ты в «Сутре о Цветке Закона» даешь широкие обеты защищать хранителей сутры; если кто забудет хоть строку, ты сам приходишь ему на помощь. Я, ученик, всех заповедей не исполнял, но созерцанием-памятованием не пренебрегал. Храня сутру Великой колесницы, я, пусть и не был подходящим сосудом, но породил в своем сердце помыслы, которые трудно встретить, с почтением читаю эту сутру. Ты, Всеобъемлющая Мудрость, соединил свои силы с моими, все будды незримо хранят меня, я все-таки смог выучить сутру. Почему же одну главу я не могу выучить?

Во сне Рэнсону является небесный отрок, посланец Фугэна, и сообщает: в прошлой жизни ты родился щенком, случайно в храме слышал часть сутры, но потом собака-мать ушла оттуда, а ты за нею, так что последнюю главу ты не услышал. Проснувшись, Рэнсон продолжает учить сутру и вскоре запоминает последнюю главу.

2—61. Монаха, ехавшего верхом⁸, обвиняют в конокрадстве, избивают и запирают связанного. «Ночью трое старцев [из храма поблизости] увидели в сне: в доме того человека веревкой связан бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость, избитый палкой»; старцы рассказывают хозяину дома о сновидении, странника освобождают.

2—62. Некий мирянин уходит в монахи, изучает «Лотосовую сутру», потом возвращается в мир, а перед смертью говорит:

Годами демоны меня сбивали с пути, я забросил Единую колесницу, поддавался ложным взглядам. Теперь удостоился помощи и защиты Всеобъемлющей Мудрости, могу поддерживать правильное памятование. Прежде я за двадцать лет прочел сутру больше двадцати тысяч раз, и если еще не потерял ее, если она и сейчас в моем сердце, то я создам причины подвижничества для себя и одновременно достигну уровня подвижничества, надобного для

⁸ Заповеди это запрещают, в рассказе герой идет на нарушение устава из-за плохого самочувствия.

обращения других. Хочу сейчас, в последний час моей жизни, прочесть «Сутру о Цветке Закона»!

Ему начинают читать сутру, он вспоминает текст, прочитывает наизусть до конца и умирает.

2—68. Монах Гё:ку: проводит жизнь в странствиях, обходит всю Японию, никогда две ночи не ночует под одной крышей.

Если <...> он сбивался с дороги, небесный отрок указывал ему путь. Если в безводных местах искал воду — небесная дева приносила воды. Когда болел, само собой являлось небесное лекарство, когда голодал — сладкий рис возникал перед ним. Силой Чудесного Закона ему постоянно являлись святые мудрецы, небожители и боги сопровождали его. А когда состарился, он отбыл в Западные края [на остров Кюсю]. Сравнялось ему девяносто лет, и он все читал «Сутру о Цветке Закона». За всю жизнь прочел ее больше трехсот тысяч раз. В последний час бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость оберегал его, Манджушри защищал, лотосы выросли под ногами, небесное одеяние окутало его, и он возродился в Чистой земле.

2—71. Наместник края решает проучить монаха-странника за то, что тот при встрече с ним на дороге якобы вел себя непочтительно, избивает и запирает в конюшне.

Ночью наместник во сне увидел этого монаха в образе бодхисаттвы Всеобъемлющей Мудрости верхом на белом слоне, запертого в конюшне. А перед воротами другой бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость, тоже верхом на белом слоне, излучает свет, стоит, обратившись к запертому бодхисаттве, и спрашивает: «За что же тебя взяли под стражу и заточили сюда?»

Проснувшись, наместник кается, освобождает и одаривает монаха.

2—72. Некий воин ревнует жену к монаху, которого сам же поселил у себя в доме. Он пытается застрелить монаха из лука, но раз за разом промахивается — а тот вслух читает сутру. Воин оставляет монаха в покое, кается, а ночью видит во сне Фугэна верхом на слоне, пронзенного множеством стрел. Бодхисаттва объясняет, что принял муки вместо подвижника сутры. Через несколько дней монах уходит прочь, а Фугэн во сне общается воину: «Ты много лет подносил мне дары. За эту заслугу я вполне принял тебя. Но из-за напраслины ты хотел убить меня <...> Поэтому я сейчас уйду отсюда».

2—78. Монах не может выучить в сутре три строки, вызывает к Фугэну и во сне узнает, что в прошлой жизни был книжным жучком и прогрыз свиток на месте этих строк; проснувшись, он убеждается, что теперь помнит их наизусть.

3—82. Знаменитый монах Дзо:га видит во сне китайских наставников, толкователей сутры, они сообщают: «Хорошо, добрый сын! Ты усердно

подвижничаешь! Все будды глядят на тебя, Всеобъемлющая Мудрость приходит защищать тебя!».

3—87. Монаха Синдзэ кто-то будит ночью словами: «Пришел час, когда сила веры чиста. Скорее поднимайся и читай сутру!» — оказывается, это бодхисаттва Фугэн.

3—100. Монахиня Гансай строго соблюдает заповеди и усердно читает сутру.

Она видела чудесные сны, к ней приходило множество людей. Слетались фазаны, в клювах приносили плоды и овощи и вручали ей. Сбегались лисицы, приносили лепешки, отдавали ей. Что уж и говорить о людях — разве не шли они к ней за прибежищем? Она знала, что они хотят завязать связь, и их помыслов не отвергала. Сама одеждой лишь прикрывала тело, едою лишь поддерживала жизнь, а все остальное без остатка раздавала бедным и нуждающимся, никакой выгоды не искала. Всеобъемлющая Мудрость приходил защищать ее, Внимающий Звукам возлагал ладонь ей на голову.

3—117. Знатная мирянка много лет читает сутру, во сне видит Фугэна на белом слоне и слышит: «Добрая дочь, услышь ясно! Ты приняла “Цветок Закона”, и я всегда прихожу и защищаю тебя. Будущее воздаяние твое — Чистая земля!»

В этих рассказах прослеживается несколько закономерностей. Прежде всего чудотворец — не обязательно праведник; не зависят чудеса ни от пола, ни от того, принял ли человек монашество или живет в миру. Далее, люди почитают бодхисаттву, но с конкретными просьбами обращаются к нему только тогда, когда дело касается изучения сутры. В случае с бодхисаттвой Каннон, Внимающим Звукам, это не так: ему молятся о спасении от разных бед, он, как и сказано в сутре, от них спасает. Фугэн является праведным людям в паре с Мондзю, и нередко это чудо сопровождается другим — явлением зверей: чудесных для Японии, как слон и лев, или вполне обычных, но ведущих себя необычно дружелюбно. Заслуги героя действуют как бы в двух направлениях: связывают его и с высшим миром бодхисаттв, и с низшим миром животных. Обидчикам героев Фугэн является, чтобы предостеречь от злодеяний; это может быть бодхисаттва, пришедший на помощь герою, или сам герой в облике бодхисаттвы; также возможно удвоение, как в рассказе 2—71, где злодей видит двух Фугэнов. Отметим, что злодеи могли бы быть наказаны за издевательства над монахами (таких рассказов *сэцува* много в других сборниках), но вместо этого получают некое знание, доступное лишь немногим, и раскаиваются. Видимо, даже дурная связь с подвижником сутры, связь мучителя с жертвой, приносит столь благие плоды. Также и связь с самой сутрой благотворна не только для вола, возившего книги в храм (1—24), но и для несмысленного щенка и даже для жучка, который испортил книгу. В пользу такой трактовки говорит и стихотворение, завершающее в «Хоккэ гэнки» каждый свиток. Оно восхваляет сутру и ее приверженцев и подводит итог: «Кто

видит их и слышит, кто хвалит их и хулит — все станут буддами». Казалось бы, от такого взгляда недалеко и до стремления к мученичеству, вообще в японском буддизме редкого, но у Нитирэна выраженного вполне четко. К этой теме мы еще вернемся.

Важно, на мой взгляд, то, что одни и те же дела совершают и люди, и чудесный помощник; выстроенные в ряд, истории о Всеобъемлющей Мудрости показывают единство человека и бодхисаттвы, их взаимозаменяемость. Еще один рассказ, 2–56, имени Фугэна не упоминает, но герой видит во сне:

...верхом на белом царе-слоне он переплывает широкое и глубокое море, перебирается через высокие крутые горы, выезжает на ровное место, а там — прекрасная, чудесная обитель. И там же во сне он будто бы разговаривает со стариком-монахом. Монах говорит: «Этот сон — добрый знак! Сила Чудесного Закона переправит тебя через море рождений и смертей, переведет через горы страстей и страданий, и ты сможешь возродиться в чистой и чудесной земле будды!»

Здесь монах словно бы видит себя Фугэном — однако предсказание заморского старца обращено не к бодхисаттве, а к человеку⁹. Обобщая, можно сказать, что «иная сила» здесь действует и через саму сутру, и через персонажа сутры, и через человека, читающего ее.

Казалось бы, в «записках о чудесах» какое-то чудо должно являться в каждой истории. Но в «Хоккэ гэнки» это не так. Рассмотрим еще два рассказа.

2–74. Отшельник Гэндзё с горы Юкихико в краю Харима

Шрамана Гэндзё: — уроженец столицы Мира и покоя, из рода Тайра, монах горы Хиэй. Помыслы о том, чтобы отвернуться от мира, были у шраманы глубоки, а корыстные желания мелки. В молодые годы он покинул гору, стал странствовать повсюду, хранил «Сутру о Цветке Закона». Полностью понимал ее, читал четыре главы: «Уловки», «Спокойные и радостные деяния», «Продолжительность жизни Татхагаты», «Открытые для всех врата»¹⁰, шел ли, стоял, сидел или лежал — никогда не ленился. Закон, которому он следовал, был не похож на тот, что у обычных людей. Одевался он в бумажную ткань и древесную кору, а шелковых одежд никогда не надевал. Переправляясь через реку, полы одежд не подбирал. Ни в дождливые дни, ни в солнечные шляпы никогда не носил. И в дальнюю дорогу, и в ближнюю никогда не обувался. Всю жизнь соблюдал заповеди поста, от прочей пищи отказался. И пояса никогда не ослаблял, лежа никогда не отдыхал. Когда встречал монахов или мирян, непременно

⁹ Фугэна в образе слона видит, вероятно, герой рассказа 2–66: слон является по ночам, и его сияние освещает жихину отшельника, позволяя читать сутру.

¹⁰ Главы II, XIV, XVI и XXV.

но кланялся; видел кого живого, птицу или зверя, — склонялся перед ними.

Он поселился на горе Юкихико, вершил трудные дела и читал сутру. Сотни каштанов ему хватало на сто дней летнего затворничества, сотни мандаринов — на целую зиму. Садился рядом с кабанам и оленями, улыбаясь, разговаривал с ними, приходил к волкам и медведям, гулял с ними вместе. Хорошо понимал людские помыслы, мог сказать, кто о чем думает; видя черты лица, указывал благие и дурные знаки. Вполне можно сказать, что он был [буддой или богом] в измененном обличье, как он мог быть обычным человеком?

Когда настал его последний срок, он посетил знакомых монахов и мирян, печалась о расставании, говорил им:

— В этой жизни вижусь с вами в последний раз. Завтра или послезавтра я отбуду в пределы Чистой земли. В следующий раз надеюсь встретиться с вами в мире истинной сути!

Пошел на гору Юкихико, сел среди высоких скал и, читая «Сутру о Цветке Закона», без смятения в мыслях отбыл в иной мир.

2–76. Некий бхикшу в храме Ко:рю:дзи

Жил один бхикшу, ученик общинного главы Дзё:тё: из храма Ко:рю:дзи¹¹, имя же ученика до сих пор неизвестно. Хоть и был по обличию монахом, ученик этот помыслами походил на мирянина. В руках носил лук и колчан, за пазухой кинжал, если увидит птицу или зверя — непременно застрелит, увидит кушанье из рыбы или птицы — непременно съест. И конечно, четок в руках его не было, монашеского плаща он не носил. Воистину бесстыдный нарушитель заповедей, дурной монах! Однако он принял главу «Продолжительность жизни» из «Сутры о Цветке Закона», не беря в расчет, что телом нечист, каждый день ее непременно прочитывал. А потом примкнул к общинному главе Гэнсину, настоятелю храма Хоссё:дзи, поселился у него в каретном сарае.

Потом в итоге он тяжело заболел, наверняка должен был вскоре умереть. Общинный глава видел всю его неблагую жизнь, услышал, что ученик тяжело болен и при смерти, и проснулась в нем жалость, и он вручил этому монаху заповеди. Бхикшу заповеди принял и тотчас поднялся с ложа болезни, сел, страдания его утихли, он обрел верные помыслы. Вымыл руки, омыл уста, соединив ладони, от всего сердца стал читать главу «Продолжительность жизни». Дошел до ее последних слов «...как мне побудить живые существа вступить на непревзойденный Путь, чтобы

¹¹ Дзё:тё: (935–1015) принадлежал к школе Хоссо. Храм Ко:рю:дзи считался отделением крупного столичного храма Ниннадзи. Оттуда герой рассказа переходит в другой столичный храм, Хоссё:дзи, к общинному главе Гэнсину (971–1053, не путать с Гэнсином из рассказа 3–83).

они смогли быстро обрести тело будды»¹² — и со спокойным телом и сердцем ушел-угас.

Монаха Гэндзё: рассказчик называет 権者, *гондзя*, «измененным обличем», воплощением кого-то из богов или будд. Но если не считать умения довольствоваться малым и проницательности, чудес он в рассказе не творит. О герое рассказа 2–76 можно сказать лишь, что сама по себе мирная кончина такого грешника — чудо. Но, как мне представляется, дело к этому не сводится. Обычай Гэндзё: кланяться встречным людям и животным отсылает не к заветам Будды вообще, а к конкретному месту «Лотосовой сутры»: к примеру бодхисаттвы Никогда Не Презирающего (Дзё:фукё:) из главы XX. Слова этого бодхисаттвы, как считается, кратко выражают основное содержание сутры. Люди презирают и гонят его, а он отвечает: «Я глубоко почитаю вас и не могу относиться к вам с презрением. Почему? Потому что вы все будете следовать Пути бодхисаттвы и станете буддами!» (ТСД 9, № 262, 50с). В «Хоккэ гэнки» это место не цитируется, но, например, в рассказе 2–69 отшельник Кито «даже о травах и деревьях, не способных чувствовать, мыслил с почтением. И уж конечно, о живых, кто чувствовать способен, помышлял как об истинных буддах!»¹³. К Никогда Не Презирающему отсылает и история монаха из рассказа 2–46: его, вопреки всем грехам, не следовало презирать, что доказала его кончина. Итак, если в жизни человека исполняется сказанное в сутре, этого достаточно, чтобы отнести его историю к «преданиям о чудесах».

Вместо заключения: самопожертвование ради сутры

По каким причинам 15 рассказов из сборника Тингэна не вошли в «Кондзяку» и более поздние сборники, судить сложно. Однако мне кажется важным, что в ряд рассказов, «отвергнутых» традицией *сэцува* (встречаются они в ней, кроме «Хоккэ гэнки», по одному разу или вообще не встречаются), попадают три истории, где следование «Лотосовой сутре» доходит до такой крайности, как самоубийство (1–9, 1–15 и 2–47).

В главе XXIII «Лотосовой сутры» бодхисаттва по имени Радость Видящих Его совершает самосожжение, жертвуя в дар всем буддам самое ценное — собственную жизнь; в новой жизни он получает имя Царь Врачевания (Бхайшаджьяраджа, Якуо:). В «Хоккэ гэнки» в рассказе 1–9 монах О:сё:, читая сутру, проникается особенно глубоким почтением именно к этому бодхисаттве и первым из японцев решается последовать его примеру¹⁴. Взойдя на костер, он произносит обет, посвящая разные части своего

¹² Эти слова (ТСД 9, № 262, 44а) приводятся в «Хоккэ гэнки» дважды, здесь и в рассказе 3–109, где их читает перед смертью праведный мирянин; видимо, для повествователя они особенно важны именно в связи с предсмертным часом.

¹³ В истории Кито: чудо есть — герой доживает до ста сорока с лишним лет, сохраняя облик тридцатилетнего и крепкое здоровье.

¹⁴ Рассказ входит в «Буддийские записи годов Гэнко» (元亨釈書, «Гэнко: сякусё», XIV в.).

тела разным буддам. В статье [Трубникова 2022] я обсуждала примеры из более поздних японских поучительных рассказов, где причины для самоубийства различны: скорбь о близких, стремление встретить смерть с правильными помыслами (что невозможно в болезни и дряхлости), желание пожертвовать собой ради Закона Будды или ради ближних. В сборнике Тингэна самоубийство — частный случай исполнения сказанного в сутре, но случай особый.

В рассказе 1–15 безымянный отшельник совершает самосожжение затем, чтобы умереть, пока тело и помыслы его чисты¹⁵. Он называет свой поступок жертвенным даром Будде, Закону и общине и молится о том, чтобы возродиться в Чистой земле и чтобы среди останков его земного тела явились чудесные останки Будды, *шарира*. Чудеса после его смерти подтверждают ученикам, что все это исполнилось. Похожий мотив — умереть, пока чист, — звучит и в рассказе 3–87: молодой монах пытается отравиться, опасаясь в будущем сойти с праведного пути; яд на него не действует (как и предсказано в сутре), он остается жить и совершает еще много благих деяний. Этот рассказ о незадавшемся самоубийстве в «Кондзяку» не просто воспроизведен, но поставлен в тот же ряд, что и истории Дзо:га, Гэнсина и других выдающихся подвижников.

Третий пример — отшельник по прозвищу Куватори (2–47)¹⁶. Он, как и Гэндзё:, довольствуется крайне скудной пищей; однажды маловеры решают проверить, сможет ли он не есть девяносто дней: они заваливают вход в его пещеру и уходят, а вернувшись через девяносто дней, убеждаются, что ему это по силам. Под старость он еще живым восходит на костер, желая, как он говорит, избавить свои учеников от похоронных хлопот. Куватори читает сутру и больше ничего не знает, «укрепился в вере лишь в одно» (一向の信を凝らす, *икко-но син-о корасу*). Термин *икко*: ‘обращенность к одному’ в книге Тингэна встречается только в этом месте; в дальнейшем именно он будет обозначать исключительную преданность одной традиции и отвержение всех прочих.

Когда во второй половине XIII в. Нитирэн станет проповедовать исключительное почитание «Лотосовой сутры», для него тема осуществления ее предсказаний в жизни подвижника и тема самопожертвования станут главными. О том, что приверженцу сутры в жизни предстоят суровые испытания (как не раз говорится в ней самой), он пишет снова и снова.

Каждая фраза сказана обо мне <...> «Не будут считаться, будут унижать, ненавидеть, завидовать». Более двадцати лет [со мной] не считаются и ненавидят. «Или будет безобразен по [внешнему] виду и по существу», а также говорится: «Будет недоставать одежды» — это обо мне. «Питье и еда [будут] грубыми» — это обо мне. «Хотя будет принимать лекарства, пользы [от] них не

¹⁵ Рассказ входит в «Записки о возрождении, не вошедшие в сборники трех составителей» (三外往生記, «Сангэ олдзё:ки», после 1139 г.).

¹⁶ Рассказ не встречается в других источниках.

будет» — это обо мне <...> Можно ли сомневаться в тексте этой сутры? [Игнатович 2002: 184].

В главе о Никогда Не Презирающем для Нитирэна принципиально важно, что бодхисаттва повторяет свои слова в ответ на насмешки и издевательства. Искать мученичества Нитирэн считает правильным, в его жизнеописаниях постоянно говорится о том, как он намеренно идет на обострение отношений с мирскими властями и влиятельными людьми. Можно ли найти похожий мотив в книге Тингэна? Японский исследователь Накао Масаки отмечает, что даже монах-вор Сюнтё: в рассказе 1–22 принимает страдания не ради самих страданий и не ради мучителей, а ради страдающих в темнице узников. Далее, хотя в рассказах Тингэна сутра и помогает очиститься от грехов, чтобы по-настоящему быть ее хранителем, нужно самому вести чистую жизнь; показательные видения, в которых свитки сутры или прекрасные пагоды сгорают, когда хранитель сутры поддается гневу (1–19, 1–32). Для Нитирэна вера в сутру единственно достаточна, единственно недопустимый грех — непочтительность к сутре, и на таких людей гневаться можно и нужно [Накао 1983].

Мир «Лотосовой сутры» в сборнике Тингэна предстает как во многом замкнутый и самодостаточный — на языке этой книги может быть описано все, что происходит с японскими подвижниками. Однако именно поэтому об исключительности традиции речи здесь нет — лишь о ее всеохватности, готовности вместить в том числе и заблуждения, и иные учения и практики. Сутра учит, что все существа смогут стать буддами, эту весть нужно донести до каждого — и, повторяя слова сутры, переписывая ее, восхваляя и т. д., человек тем самым исполняет эти слова, уподобляясь Будде и всем буддам. Такое самосбывающееся предсказание снимает вопрос об «иной силе»: носителем силы сутры может стать каждый.

Источники

- Бабкова и др. 2018–2023 — Собрание стародавних повестей 今昔物語集, «Кондзяку моногатари-сю» в истории японской религиозно-философской мысли: [Материалы исследования М. В. Бабковой, М. С. Коляды и Н. Н. Трубниковой; Под ред. А. Н. Мещерякова] [2018–2020, 2023] // Япония: история религий, культуры, философских учений: Сайт Надежды Николаевны Трубниковой. URL: <https://nntrubnikova.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1>.
- Игнатович 1998 — Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Пер. с кит. А. Н. Игнатович. М.: [Ладомир], 1998.
- Иноуэ, Оосонэ 1995 — О:дзё:дэн. Хоккэ гэнки [Предания о возрождении в Чистой земле. Записки о чудесах Лотосовой сутры] / Под ред. Иноуэ Мицусаса, Оосонэ Сёсукэ. Токио: Иванами, 1995. Сэй-Сёнагон 1999 — *Сэй-Сёнагон*. Записки у изголовья / [Пер., предисл., коммент. В. Н. Марковой]. СПб.: Кристалл, 1999.
- Трубникова 2024 — Записки о чудесах Лотосовой сутры в великой стране Японии / Предисл., пер. со старояп. и примеч. Н. Н. Трубниковой. [2024]. URL: https://88f4395e-9a7b-4477-bd7a-ccf73f736fa0.filesusr.com/ugd/47b776_3bbcca8ff1e546239c38eff13a61ccdc.pdf.

ТСД — Тайсё: синсю: дайдо:кё: [Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё]: В 100 т. / Под ред. Такакусу Дзюндзио:.. Токио: Тайсё: синсю: дайдо:кё:, 1924–1934. [Цит. по републ.] The SAT Daizōkyō Text Database. [2012]. URL: <http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/index.html>. (На яп. яз.).

Литература

- Игнатович 2002 — *Игнатович А. Н.* Школа Нитирэн. М.: Стилсервис, 2002.
- Накао 1983 — *Накао Масаки.* Нитирэн-то «Хоккэ гэнки» [Нитирэн и «Записки о чудесах Лotosовой сутры»] // Индогаку буккё:гаку кэнкю:. Т. 32. № 1. 1983. С. 377–380. (На яп. яз.).
- Трубникова 2022 — *Трубникова Н. Н.* Самоубийство и самопожертвование в «Сборнике рассказов о пробуждении сердца» // Шаги/Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 78–99. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-78-99>.
- Трубникова 2024 — *Трубникова Н. Н.* Традиция почитания «Лotosовой сутры» в Японии XI в. по «Хоккэ гэнки»: подвижники и их деяния // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 120–131. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-10-120-131>.
- Deal 1993 — *Deal W. E.* The Lotus Sūtra and the rhetoric of legitimization in eleventh-century Japanese Buddhism // Japanese Journal of Religious Studies. Vol. 20. No. 4. 1993. P. 261–295.
- Tanabe, Tanabe 1989 — *Tanabe G. J., Tanabe W. J.* The Lotus Sūtra in Japanese culture. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 1989.
- Teiser, Stone 2009 — *Teiser S. F., Stone J. I.* Readings of the Lotus Sūtra. New York: Columbia Univ. Press, 2009.

References

- Deal, W. E. (1993). The Lotus Sūtra and the rhetoric of legitimization in eleventh-century Japanese Buddhism. *Japanese Journal of Religious Studies*, 20(4), 261–295.
- Ignatovich, A. N. (2002). *Shkola Nitiren* [Nichiren sect]. Stilservis. (In Russian).
- Nakao, Masaki (1983). Nichiren to Hokke-genki [Nichiren and the Hokke-genki]. *Indogaku Bukkyogaku Kenkyu = Journal of Indian and Buddhist Studies*, 32(1), 377–380. (In Japanese).
- Tanabe, G. J., & Tanabe, W. J. (1989). *The Lotus Sūtra in Japanese culture*. Univ. of Hawaii Press.
- Teiser, S. F., & Stone, J. I. (2009). *Readings of the Lotus Sūtra*. Columbia Univ. Press.
- Trubnikova, N. N. (2022). Samoubiistvo i samopozhertvovanie v “Sbornike rasskazov o probuzhdenii serdtsa” [Suicide and self-sacrifice in the *Hosshinshū*], *Shagi/Steps*, 8(4), 78–99. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-78-99>. (In Russian).
- Trubnikova, N. N. (2024). Traditsiia pochitaniiia “Lotosovoi sutry” v Iaponii XI v. po “*Hokke genki*”: podvizhniki i ikh deianiiia [Tradition of venerating the *Lotus Sūtra* in the 11th century in Japan according to *Hokke genki*], *Voprosy filosofii*, 2024(10), 120–131. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-10-120-131>. (In Russian).

Информация об авторе

Надежда Николаевна Трубникова

*доктор философских наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория востоковедения
и компаративистики, Школа
актуальных гуманитарных
исследований, Институт
общественных наук, Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
✉ trubnikovann@mail.ru*

Information about the author

Nadezhda Nikolaevna Trubnikova

*Dr. Sci. (Philosophy)
Leading Researcher, Center for Oriental
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
✉ trubnikovann@mail.ru*